

С народной артисткой СССР Элиной Быстрицкой мы встречаемся часто. Она человек живого общественного темперамента, не замкнута в своих художественных интересах. Встречаемся после спектаклей, во Всероссийском театральном обществе, на различных дискуссиях и обсуждениях, на коллежиях в Министерстве культуры СССР, где

подводятся итоги театральных сезонов, словом, повсюду, где только могут встретиться критик и актриса одного поколения, одних интересов.

Встречаемся, говорим о театре, вспоминаем. А вспомнить есть о чем, ведь Э. Быстрицкая уже двадцать пять лет выступает на сцене прославленного Малого театра.

ВЕЗЕТ ИЛИ НЕ ВЕЗЕТ?

— Казалось бы, это было вчера. Вы помните, Элина, вильнюсские свои дебюты — Аленушку из аксаковского «Аленького цветочка», арбузовскую Таню. В одной из этих работ — роли Тани — я видела вас. Это было отличное начало — трепетное, лирическое и в то же время собственное ваше, неповторимое. Тани в вашем исполнении была права и виновата. Обычно актрисы играли только правоту Тани, ищущей смысл жизни в одной любви. Вы тогда сумели угадать в ней драму, вину, без которой нет истинно драматического героя.

А потом — кинематограф и одна из первых ролей в фильме «Неоконченная повесть». Счастье работать с такими художниками, как режиссер Ф. Эрмлер, умеющий видеть жизнь через призму высокого поэтического пафоса, как актер С. Бондарчук, почитающий силу человеческой души одним из ведущих качеств русской национальной традиции в искусстве. Рядом с такими творческими партнерами легко и трудно было начинать. Легко потому, что они как бы окружали вас мастерством, трудно потому, что и самой надо было становиться мастером. Этот фильм не ушел в прошлое, его часто показывают по телевидению. И хотя многое изменилось в вашей актерской манере — она стала строже, — главное осталось: страсть, не боясь открыть свое сердце всем бурям жизни, и чем щедрее, тем опаснее, тем прекраснее для ваших героинь. Ведь открытое сердце — это и магнит, и мишень. Магнит — для врачующей доброты, мишень — для стреляющего зла.

Помню и звездный ваш час: роль шолоховской Аксины в фильме С. Герасимова «Тихий Дон». И снова повезло на высокую литературу, на замечательных партнеров. Встретиться с режиссером Герасимовым на заре творческой судьбы — это огромный подарок; быть может, от Герасимова и осталось у вас это глубинное проживание в роли, прочитанной и как реальная, и как символ, и как непреложный документ, и как эпическое обобщение. Ваша Аксины была не только верной подругой Мелехова. Впервые мы разглядели в этой сильной и слабой женщине высокий нравственный заряд; быть может, это и в общении с ней, как с родной землей, мужал Григорий, неуверенно-уверенно двигаясь к постижению народной правды.

А потом — Малый театр, потом — и на всю жизнь. Малому театру не изменяют его работники, такова уж эта сцена, всегда становящаяся Домом для творческих своих избранных. Дом Щепкина, Дом Островского, Дом Ермоловой, Дом Садовских... Да разве перечислишь всех великих, для которых был этот театр Домом? Как же надо чувствовать себя нынешнему актеру, чтобы достойно жить в этом Доме! Что ж, вы его верный творческий житель, думаю я, а главное — думает зритель. Именно здесь-то и сформировалась актриса Быстрицкая, и снова помогли партнеры — режиссер Варпаховский, замечательные Гоголева, Ильинский, Жаров, Фадеева, Рыжов, Каюров, Нифонтова, Коршунов... С такими партнерами нельзя играть не в полную силу, с ними просто нельзя быть не талантливым. Сама эта сцена поднимает людей к высокому творчеству. И, быть может, еще и потому заметной стала актриса Быстрицкая, что, вобрав в себя Малый театр, она осталась сама собой, следуя традиции и в то же время создавая свои творческие законы, без которых нельзя стать мастером.

Романтика, патетика, яркая страстность, душевная щедрость, гражданский темперамент — все, чем сильна сцена Малого театра, претворено у вас в строгую форму, вне патетического жеста, вне романтической приподнятости, самоуглубления при романтическом жаре, почти без-

жестие при стоградусном внутреннем накале, скромность внешнего рисунка при пылающем огне чувств. Возможно, это и есть ваша манера — романтический классицизм, академическая мелодрама.

Недавно вы сыграли две значительные для каждой актрисы роли. Одну в классике — Кручинину в «Без вины виноватых» А. Н. Островского, другую — в репертуаре современного — Марию в «Выборе» Ю. Бондарева. Наверное, это и есть счастье — классика и современность, большая литература и напряженные мысли о жизни. На Ордынке, где играете вы Кручинину в финале Малого театра, люди в зале плачут, и как же это хорошо, когда плачут в зале! Слезы — это катарсис, это очищение от всего наносного и мелкого. И то, что вы заставляете людей плакать над далекой судьбой героини Островского, — победа художника. Спасибо вам за эти слезы, они так нужны людям, чтобы оглядеть и свои души, и свою жизнь. Слезы нужны, чтобы громче, ярче радоваться бытию.

И для вашей героини в «Выборе», хотя на авансцене событий речь идет вроде бы и не о ней, стоит тема выбора. Не ушла из сердца старая любовь, пусть и создана новая хорошая семья — любимый погиб на фронте. И вдруг — поворот сюжета. Он жив, он сдался в плен, стал иностранным подданным, и теперь, через тридцать лет, приезжает в Россию, чтобы встретиться с матерью. Уйти с ним или остаться с семьей, а значит — с Россией? Вы сумели не облегчить для своей Марии этот выбор. Она долго всматривается в себя, как бы отступая от привычных условий жизни, как бы проигрывая различные варианты судьбы. И в конце концов выбор сделан: Мария и Россия нераздельны. Это лучшая сцена в вашем исполнении: теплеют глаза, распрямляются плечи, холодная красота становится живой, человеческой, личностно вновь обретает себя. Верный выбор возвращает человеку все лучшее, что в нем заложено. Как хорошо вы это поняли.

— А что, Элина, вы могли бы добавить к моим воспоминаниям?

— Какое трудное, право, положение — говорить о себе как-то нескромно. Давайте я прибавлю немного раздумий, досады, горечи, остроты. Вот вы говорите — мне повезло. Да, конечно, но чего стоит это «везение» на театре, какого физического, психологического труда, каких ночей и дней, какого тренинга, укрощения себя, воспитания и некорности художника и терпения человека. Ах, как это трудно, когда «везет»! А что же, когда «не везет»?

Последние годы мне и везет, и не везет. Везет, потому что играю роли, которые хотелось играть. Не везет, потому что все-таки редко получаю роли по душе. Везет, так как выхожу к зрителю, не везет, потому что выхожу к нему далеко не каждый вечер, а ведь только в этом счастье актера. Везет, потому что я имею возможность работать над своими ролями, долго шлифовать их, искать в них самое для меня главное.

Вот, к примеру, очень люблю я роль Пелагеи из спектакля «Фома Гордеев». Роль вроде бы маленькая, но как же долго я к ней готовилась, как постоянно воюю с ней, потому что вижу в ней не только самостоятельное ее существование, но и своеобразный парафраз к роли Фомы, как бы продолжение его раздумий над жизнью. Когда я получила эту роль, мне сразу захотелось, чтобы моя героиня пела. Однако спектакль идет в сопровождении записей Шаляпина. И все же я рискнула — запела. И что ж? Новая краска, какой-то дополнительный народный оттенок появился в моей Пелагее.

И вот какая еще забота — много ролей маленьких, эпизодических, хочется сделать их ярче, шире, а нельзя взять на себя зрительское внимание. Рядом корифеи, надо

ужиматься. Придя в театр, я услышала от одного знаменитого его профессия — играть главные роли. Я бы не сказала, что это уже и моя профессия, но понять его могу, так хочется полное раскрыть все, чем озабочено сердце.

Постоянный труд — вот мое кредо, моя программа, не бог весть какая оригинальная, но моя. Я думаю, что когда у актера есть свободное время, он начинает болеть, во всяком случае я болела всегда, когда слишком много свободного времени. Для актера нет отдыха, он заряжен особой энергией, и эту энергию надо отдавать, иначе она давит. Когда нет ролей — значит, есть болезни.

И все-таки свободное время остается. Стараюсь непременно что-нибудь делать. Полностью свой репертуар читаю, соединяю слово с музыкой. Ищу, как будет звучать гитара рядом со стихами советских поэтов, и проверяю эти свои ощущения уже на зрителе. Иные мои коллеги не любят, когда их приглашают где-нибудь выступить вне обязательной их работы — жалко терять время. Я же, напротив, люблю, когда меня зовут на какой-нибудь вечер, что-либо прочесть, рассказать — ведь это тоже выход на зрителя, ведь это тоже проверка того, что я умею, что я могу.

В моей личной актерской программе — еще и движение, постоянное движение, чтобы попытаться сохранить форму. Гимнастика, ходьба, может быть, этим и объясняется мое постоянное участие в жизни советских гимнасток. Я дружу с ними, слежу за ними. В общении с юными спортсменами рождается и душевная молодость, и ответственность перед собой как актрисой. Одна из основных моих забот — постоянная проверка найденного, найтого на сцене, наверное, от этого и пришла я к педагогике. Ныне я преподаватель актерского мастерства в ГИТИСе им. А. В. Луначарского. Педагогика для меня — это и моя учеба. Учу — учусь. На молодых своих воспитанниках вижу и свои недостатки, а подчас и свои достоинства. Даже когда смотрю на игру знаменитых актеров, всегда думаю, что сделано ими так, а что не так. И пусть уходит часть бездумного наслаждения, постоянная учеба, как видно, важнее. Люблю общественную работу, и опять-таки не как самоцель, а как возможность живого общения с людьми. Ведь это именно их, наших людей, должна я потом представлять на сцене, и поэтому надо знать их как можно лучше, как можно глубже.

Помимо физической подвижности, нужна, думаю я, и особая психическая подвижность. Не давать застыть уму, постоянно будоражить его фантазией. И когда свободна, я все равно играю, фантазирую, проигрываю те роли, которые уже есть, те, которые будут. Нет, я не играю в жизни — это нелепо, человек всегда должен оставаться самим собой. Но внутренне я проигрываю те роли, с которыми выхожу на сцену, те, с которыми хочу выйти.

Есть у меня портфель, заветный портфель, куда прячу не сыгранные мои роли, свои мечты. Среди них — Комиссар из «Оптимистической трагедии», Бекки из «Ярмарки тщеславия», многие другие. Да что говорить о мечтах! Течет каждодневная жизнь, и она требует полной всесторонней отдачи. Так что же мне — везет или никогда не везет?

— А я все-таки думаю — везет, хотя везение это, как вы говорите, постоянный, иногда мучительный труд...

...Мы часто встречаемся с народной артисткой СССР Элиной Быстрицкой, много разговариваем. Быть может, одна из таких наших бесед, приведенная здесь, и покажется кому-то небезынтересной.

И. ВИШНЕВСКАЯ,
доктор искусствоведения.